

СПОРЪ

О ПОДЛИННОСТИ СУДА ЛЮБУШИ И КРАЛЕДВОРСКОЙ РУКОПИСИ.

А. КУНИКА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

(Читано 13 июня 1862 г.)

При изслѣдованіяхъ моихъ о древне-польской исторіи я обращалъ особенное вниманіе на Судъ Любуши, подлинность котораго давно считалъ несомнѣнною. Основывая на этомъ памятникѣ нѣсколько главныхъ положеній, я не могъ оставаться навсегда равнодушнымъ зрителемъ въ жаркомъ спорѣ, возникшемъ съ 1857 года о подлинности Суда Любуши и Краледворской рукописи (Králové Dvůr—Königinhof—Curia Reginae), но долженъ былъ отдать себѣ строгій отчетъ въ этомъ предметѣ. Вотъ ближайшій поводъ къ появленію подлежащаго критическаго обзорѣнія, въ которомъ я прямо и рѣшительно утверждаю, что никто изъ чешскихъ литераторовъ 1817 г. не сумѣлъ бы сочинить на *враемльомѣ*, древне-чешскомъ языкѣ стихотворенія такого объема и содержанія, какъ Судъ Любуши и Краледворская рукопись.

§ 1.

Нападки, которымъ подвергалась Краледворская рукопись съ 1837—1861 г.

До сихъ поръ еще не установилось положительно мнѣніе о томъ, какое мѣсто Копитаръ († въ 1844 г.) занимаетъ въ исторіи славистики. Значенію его вообще придаютъ слишкомъ большую цѣну, потому что многіе все еще увлекаются его талантомъ и хитро-разсчитанными маневрами, которыми онъ ста-

рался дѣйствовать на своихъ современниковъ. Того, кто ближе знакомъ съ развитіемъ славянскихъ ученыхъ занятій, никто не разувѣрить, что Копитаръ въ своихъ гипотезахъ, парадоксахъ, а въ особенности въ своей полемикѣ противъ чешскихъ славянистовъ, часто руководился не чистою любовью къ наукѣ, а разными субъективными, отчасти просто эгоистическими побужденіями. Это субъективное направленіе выразилось особенно въ борьбѣ его за происхожденіе славянскаго богослуженія, за родину церковно-славянскаго языка, за происхожденіе Реймскаго Евангелія, и въ нападкахъ на древне-чешскія стихотворенія.

Краледворскую рукопись, какъ извѣстно, открылъ Вячеславъ Ганка въ 1817 году. Добровскій († 1829 г.) никогда не подвергалъ сомнѣнію ея подлинность. Въ первый разъ это сдѣлано было Копитаромъ въ 1837 году, при разборѣ 1-го тома чешской исторіи Палацкаго. Скрываясь подъ вымышленнымъ именемъ «Cosmas Luden», Копитаръ требовалъ, «чтобы обо всѣхъ открытіяхъ въ чешской литературѣ, начиная съ *Краледворской рукописи* (1817 г.) до отрывка Іоаннова Евангелія, ... по возможности скорѣе допрошены были свидѣтели, пока послѣдніе еще живы. До окончательныхъ результатовъ этого допроса научная критика не можетъ и не должна бы была пользоваться всѣми этими открытіями ¹⁾».

¹⁾ Repertorium der gesammten deutschen Literatur. Leipzig. 1837. Band XIV, pag. 188. — Отвѣтъ Палацкаго напечатанъ въ «Объявленіяхъ» того-же журнала (1838. № 4). Ср автобіографію Копитара въ «Slavische bibliothek von Fr. Miklosich. I. Band. Wien 1851», стр. 18:

«Sein fünfter noch hangender streit mit der clique der hyperpatrioten von Prag ist durch die gedankenlose oder parteiische redaction des Leipziger repertoriums ohne noth gesteigert worden. K. hatte es endlich nöthig gefunden, über das treiben dieser clique ein wohlbegründetes wort zu sagen... (Kopitar) hatte nämlich, wie jeder kritiker thun muss, gesagt, dass man z. b. vom fragment der Libuscha, dessen unechtheit Dobrovský in den jahrb. umständlich erwiesen hatte, und dergleichen spuris in der geschichte keinen gebrauch machen dürfe. Der unberufene und unberechtigte redacteur änderte diess in keinen so ausgehnten gebrauch».

Для полноты сообщаемъ также первые отзывы Копитара о древне-чешскихъ рукописяхъ. По поводу новаго изданія Краледа. рукописи, оны, въ 1829, побудилъ Палацкаго помѣстить Рецензію въ Jahrbücher der Literatur. Wien 1829. (48-ter Band, стр. 138 — 169), къ которой, какъ Редакторъ «Лѣтописей» прибавилъ слѣдующія слова о Судѣ Любути и отрывкѣ Еванг. Іоанна:

Нельзя не пожалеть, что самъ Ганка въ 1817 г. не распорядился составленіемъ судебного акта объ открытіи Краледворской рукописи; но замѣчательно; что Копитаръ придаетъ такую цѣну «допросу свидѣтелей». Это въ прямой связи съ тѣмъ способомъ, которымъ онъ, по однимъ только чисто-внѣшнимъ признакамъ, старался опредѣлить древность Реймскаго Евангелія и родину церковно-славянскаго языка. Такой допросъ свидѣтелей, дѣйствительно сдѣланный въ 1859 г. въ отношеніи Суда Любуши и Краледворской рукописи, не можетъ, разумѣется, окончательно рѣшить вопроса о подлинности этихъ рукописей. Онъ можетъ имѣть особенное значеніе только въ такомъ случаѣ, когда онѣ сначала будутъ строго и обстоятельно рассмотрѣны какъ въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи, такъ и по своему реальному содержанію, а потомъ компетентными судьями дѣйствительно будутъ признаны за древніе литературные памятники.

Во второй разъ Копитаръ заподозрилъ подлинность Краледворскихъ стихотвореній въ 1839 г., въ своемъ сочиненіи о Гезихіи, которое переполнено досадою на производительность младшихъ представителей славистики, и самую пошлою желчью. Здѣсь онъ прямо объявилъ, что Краледворскія пѣсни не что иное, какъ новѣйшее подражаніе сербскимъ эпическимъ народнымъ пѣснямъ, которыя были собраны и изданы Вукомъ Стефановичемъ.²⁾ Но такъ какъ Копитаръ не представилъ

« Wir haben Herrn P. ausreden lassen, müssen aber hier doch bemerken, dass der sel. Dobrowsky durch alles oben Gesagte von Seite der Schrift nur bestätigt, von Seite der Sprache aber bei weitem noch nicht widerlegt ist. Das Fragment vom Evangelio Johannis, was Hr. P. ohne Arg durchlässt, kannte Dobrowsky wo möglich noch entschiedener als Betrug, und man wagte sich, bei seinen Lebzeiten, damit nicht ins Publikum! Wehe der Sache selbst, die durch Betrug, sei es auch frommer Betrug, gefördert werden soll! »

Въ 1819 г. Копитаръ не могъ найти словъ, чтобъ выставить оригинальность Краледворскихъ пѣсней и поздравить съ этой находкой Чеховъ. См. его отзывъ въ *Erneuerte vaterländische Blätter für den österreich. Kaiserstaat*. Wien. 1819. Chronik, стр. 34, откуда перепечатанъ В. Небескимъ въ *Час. Чешск. Муз.* 1852. Св. III, стр. 128.

²⁾ *Hezychii Glossographi discipulus... Russus. Vindob. 1839 (1840) pag. 58:*

« 16. *De veterum codicum bohemicorum insperatis inventionibus, non sine causa suspectis* ».

ни малѣйшаго доказательства въ подтвержденіе своего мнѣнія, то ученые Чехи остались при прежней вѣрѣ въ остатки своей древней національной поэзіи³⁾. Такимъ-же пустымъ обвиненіемъ Копитаръ украсилъ въ 1843 г. свое послѣднее сочиненіе, напечатанное въ видѣ введенія въ парижское изданіе снимка Реймскаго Евангелія⁴⁾.

Между тѣмъ возникли сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ, впрочемъ очень короткихъ и незначительныхъ, т. н. древне-чешскихъ стихотвореній. Въ 1819 г. стала извѣстна любовная

Absolvamus quod morte praeventus vix affectum reliquit summus Dobrovias. Ille enim nonnisi fragmentum, quod *Linbussae iudicium* appellant et quo ceu purissimo fonte Palackus usus est ad explicandum jus antiquum bohemicum, imposturae accusaverat publice (causam dicens in Volum. 27. annalium Vindobonensium), itemque *querelas amatorias* (т. е. пѣснь подъ Вышеградомъ) in ripa Veltavae fluminis; similem actionem minatus in *fragm. evangelii* S. Johannis, si se vivo ederent. Quare maluerunt mortem senis expectare, et postea demum edidere. At quid si eadem suspicione laborent minus diligenter examinatae *Glossae* bohemicae in Salomonis glossario MS. et ipsae *cantilenaes* Reginohradenses (т. е. Крахдворская рукопись), simillimae, iudice Grimmio, Serborum cantilenis *prae* editis, quarumque non injuria eas credas recentis Bohemici poetae imitationes. Licebit ergo *omnia* haec nova *scripta* enixe commendare criticae D. D. Schaffariki et Palacki, qui jam 1838 professi sunt se parare vindicias; quamquam eas vix expectes integras a correis; sed aliorum erit audita utraque parte iudicium...»

³⁾ См. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Von Schafarik und Palacky. Prag 1840, на стр. 207 и 208.

«... Erst nach Vollendung unserer Arbeit... erhielten wir: Hesychii glossographi discipulus... Da der Verf. keine Gründe für seine Meinung vorbringt, so haben wir auch weiter nichts zu bestreiten — denn den Unflath, den er dort so reichlich gegen uns beide ausgeworfen, wollen wir unberührt lassen. In solchem Kampfe mag er immer *stegreich* bleiben».

См. также Gedichte aus Böhmens Vorzeit, verteuscht von Josef Math. Grafen von Thun, mit einer Einleitung von P. J. Schafarik und Anmerkungen von F. Palacky. Prag 1845. Ср. Рецензію безпристрастнаго Шмеллера въ Gelehrte Anzeigen. München. 1846. № 161—163. Часть Введеніе Шафарика перепечатана В. Небескимъ въ Час. Ч. Муз. 1852, связ. III, стр. 130.

⁴⁾ Evangelia slavice... vulgo Texte du Sacre ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit Silvestre... Lutetiae Paris. 1843 in 4°. Введеніе (Prolegomena historica) Копитара перепечатано Миклошичемъ (въ его Slavische bibliothek. Band I, 1851) и переведено на Русскій языкъ И. Паллонскимъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1848 г. (Часть LVII, Отд. II).

§ 29. «... Putes grassari ab A. 1817 in Bohemis pestem воѣлаз, posteaquam e Vukii Cantionario serbico, ed. Viennae 1814, didicerant falsarii metra Slavorum popularia». Это мѣсто пропущено въ переводѣ Паллонскаго».

пѣснь короля Венцеля, первоначально будто-бы написанная на древне-чешскомъ языкѣ. Палацкій однакоже, убѣдившись, что подлинная любовная пѣснь (Minnelied) Венцеля написана на средне-нѣмецкомъ языкѣ, призналъ славянскій текстъ ея за *древне-чешскій* переводъ съ нѣмецкаго. Въ 1847 году Морицъ Гауптъ выразилъ сомнѣнiе въ древности этого перевода ⁵⁾, а въ 1857 году молодой Моравецъ Фейфаликъ напечаталъ статью о королѣ Венцелѣ I, какъ авторѣ нѣмецкихъ пѣсенъ, и о подложности древне-чешскаго перевода одной изъ нихъ ⁶⁾. По желанiю этого критика рукопись снова была рассмотрѣна. Въ засѣданiи комитета Чешскаго Музея, 17 февраля 1857 года, членами его окончательно рѣшено, что любовная пѣснь, вошедшая, въ 1819 году, въ составъ рукописей Музея, — чистый подлогъ ⁷⁾. Нѣтъ сомнѣнiя, что этотъ переводъ сочиненъ послѣ открытiя Краледворской рукописи плохимъ знатокомъ древне-чешскаго языка. Съ открытiемъ пергаментнаго листка, на которомъ написана чешская пѣснь Венцеля, соединено имя священника Циммермана († 1836), объ историческихъ знанiяхъ котораго см. отзывъ Палацкаго въ *Historische Zeitschrift* (1859), III, стр. 106 и ср. I, стр. 150.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи о Венцелѣ, Фейфаликъ, по собственному его выраженiю, «довольно ясно (*ziemlich unzweideutig*) высказалъ свои сомнѣнiя въ подлинности Краледворской рукописи». Въ июлѣ 1857 года молодой критикъ, гордясь успѣхомъ своего перваго похода, въ другой статьѣ, между прочимъ, слегка замѣтилъ, что подлинность Крале-

⁵⁾ Ueber die böhmische Uebersetzung eines der Lieder König Wenzels von Böhmen. (Читано 26 июня 1847, въ засѣданiи саксонскаго Общества Наукъ и напечатано въ *Berichte über die Verhandlungen der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*. 1ter Band. Leipz. 1848, стр. 257—265).

⁶⁾ Ueber König Wenzel von Böhmen als deutschen Liederdichter; — und über die Unrechtheit der altböhmischen píseň milostná krále Václava I. Zwei literar-historische Studien. Wien 1858. (Особый оттискъ изъ *Sitzungsberichte der historisch-philologischen Classe der K. Academie der Wissenschaften*. 25ter Band, стр. 326—352 и 352—370. — Читано 9 дек. 1857).

⁷⁾ См. «Zpráva o palaeografickém vyšetřování rukopisu Píseň milostné krále Václava» (Напечатано секретаремъ Музея, В. Небескимъ, въ *Časop. česk. Mus.* 1858, стр. 186—187).

дворской рукописи еще нужно доказывать ⁸⁾). На это братья Иречки, въ декабрѣ мѣсяцѣ того-же года, предложили моравскому скептику подкрѣпить свои сомнѣнія доводами ⁹⁾). Лѣтомъ 1858 года въ это дѣло вмѣшалась нѣмецко-богемская журналистика, а именно редакторъ «Вѣстника», г. Кун, который, какъ *австрійскій* журналистъ, пользуется у Чеховъ не очень лестной репутаціей. 13 іюля 1858 г. Кун сообщилъ въ своемъ «*Tagesbote aus Böhmen*» краткое извѣстіе о томъ, что въ послѣднемъ засѣданіи Комитета Чешскаго Музея, по поводу открытія подлога 1819 года, предложено было подвергнуть Краледворскую рукопись новому палеографическому изслѣдованію, но предложеніе не было принято «на томъ основаніи, что никто еще не усомнился въ ея подлинности». Двѣ недѣли спустя Комитетъ Музея увѣдомилъ редакцію Вѣстника, что упомянутое предложеніе было отвергнуто только потому, что никто еще не представилъ *основательныхъ доводовъ* (*gegründete Bedenken*) противъ подлинности рукописи. Говорятъ, что редакторъ Вѣстника, вслѣдствіе не совсѣмъ чистыхъ побужденій, рѣшился не оставлять дѣла въ такомъ положеніи. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1858 года, въ Вѣстникѣ явилось, подъ заглавіемъ: «Рукописная ложь и палеографическая истина», нѣсколько статей о древнѣйшихъ стихотвореніяхъ Чеховъ, какъ-то: о Судѣ и Пророчествѣ Любуши, о пѣсни Венцеля, о пѣсни подъ Вышеградомъ, появившейся въ 1816 г., и о Краледв. рукописи ¹⁰⁾). Въ статьяхъ этихъ неизвѣстный авторъ не только объявилъ, что всѣ эти произведенія подложны и сочинены въ нынѣшнемъ столѣтіи, но даже позволилъ себѣ жившаго еще въ то время Галку «довольно ясно назвать настоящимъ виновникомъ поддѣлки! «Это былъ сигналъ, по которому собственно уже разгорѣлся споръ». Мы не станемъ здѣсь говорить ни о скандалѣ, который произошелъ изъ этого, ни о послѣдовавшихъ за тѣмъ

⁸⁾ Sitzungsberichte der historisch-statistischen Section der mährisch-schlesischen Gesellschaft für Landeskunde. Brunn.

⁹⁾ Въ «*Světobor*», литературномъ прибавленіи къ Вѣнской газетѣ: *Slovenské noviny*. 1857. № 148.

¹⁰⁾ Handschriftliche Lügen und paläographische Wahrheiten.

судебныхъ жалобахъ и рѣшеніяхъ ¹¹⁾, а замѣтимъ только, что за подлинность Суда Любуши и Краледворской рукописи, кромѣ Иречковъ ¹²⁾, вступились еще Палацкій ¹³⁾, Томекъ, Капперъ ¹⁴⁾, нѣмецкій переводчикъ Суда Любуши и Краледворской рукописи, Небескій ¹⁵⁾, Гаттала ¹⁶⁾ и Вртятко. Ганка помѣстилъ одно краткое возраженіе въ (Augsburger) Allgemeine Zeitung. Другую статью, относящуюся до Пророчества Любуши, Зибель отказался принять въ свой журналъ ¹⁷⁾. Всѣ эти оскорбленія, нанесенныя Ганкѣ въ послѣдніе годы его жизни, говорятъ, ускорили его смерть, послѣдовавшую 31 дек. 1860 или 12 янв. 1861 г. ¹⁸⁾.

Въ 1859 году споръ перенесенъ былъ въ Германію Максомъ Бюдингеромъ, который въ 1-мъ томѣ своей исторіи

¹¹⁾ См. «Die Königinhofer Handschrift vor Gericht. Ein Brief an den Herausgeber. Prag im September» въ Blätter für literarische Unterhaltung. Leipzig 1859, стр. 793—797, Ср. также стр. 293 и извѣстіе, сообщенное А. Р. въ Соврем. за 1860 г. Т. LXXIX, Отд. III, стр. 289 и 290 и ниже прим. 18.

¹²⁾ Studie o rukopisu Kralodvorském. См. Světozor за 1858, 1859 и 1860 годъ.

Soud Libušin a rukopis Kralodvorský. См. Světozor (Дек. 1858 г.)

Büdingер a památky naší starověké poesie. См. Světozor 1859 г., стр. 237—239 и ниже примѣчаніе 20.

¹³⁾ Handschriftliche Lügen und paläographische Wahrheiten. Eine Entgegnung von Franz Palacky въ пражскомъ журналѣ: «Bohemia» (Ноября 1858 г., № 288, 289, 292).

¹⁴⁾ Die Handschriften von Grünberg und Königinhof. Altböhmische Poesien aus dem 9. bis 13. Jahrhundert. Prag 1859. См. ниже прим. 19.

¹⁵⁾ Rukopis Kralodvorský a р. Büdingер въ Часоп. Чешск. Муз. 1859 г., стр. 198—235. Ср. ниже прим. 20 и

Nova akta ve přii o Rukopis Kralodvorský. Podává Václav Nebeský въ Часоп. за 1859 г. стр. 397—406. (Содержать, между прочимъ, письма В. Свободы къ В. Ганкѣ, 1817, 1818 и 1819 г.).

¹⁶⁾ O enklitickém ž a t co důkaze přesnosti rukopisů Zelenohorského a Kralodvorského въ Часоп. Ч. М. за 1860 г., стр. 313—320. — 9 янв. 1860 г. проф. Гаттала читалъ, въ засѣданіи Чешскаго Общества Наукъ, сочиненіе объ откошеніи Краледворской Рукописи къ славянской народной поэзіи (Verhältniss der Königinhofer Handschrift zur slavischen Volkspoesie. См. Sitzungsberichte der k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften in Prag. Jahrgang 1860.

¹⁷⁾ Historische Zeitschrift (1859), I, стр. 576.

¹⁸⁾ Ср. Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ, И. И. Срезневскаго въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ, по Отдѣл. русск. языка и словесности. Томъ IX (столб. 228 и 229), статью П. А. Лавровскаго (тамъ же на стр. 234 и слѣд.), А. Н. Пыпина (въ Современникѣ за 1861 г. Т. LXXXVI, Отд. II, стр. 30 и 31) и стр. 199 сочиненія братьевъ Иречковъ.

Австріи съ намѣреніемъ ни однимъ словомъ не воспользовался изъ оподозрѣнныхъ стихотвореній. По предложенію Зибеля, онъ напечаталъ статью: Краледворская рукопись и ея сестры. Должно замѣтить, что на Бюдингера, ученика проф. Миклошича, сильно дѣйствовалъ мнимый авторитетъ Копитара. А кто изъ славянистовъ въ этомъ дѣлѣ публично признавалъ авторитетъ Копитара, повторявшаго лишь одно замѣчаніе, нѣкогда сдѣланное Я. Гриммомъ? Никто ¹⁹⁾. Статья Бюдингера вызвала въ Прагѣ анонимную брошюру ²⁰⁾, на которую онъ отвѣчалъ въ апрѣлѣ 1859 года ²¹⁾, но доказательства его противъ подлинности рукописей заключались болѣе въ намекахъ, чѣмъ въ основательныхъ доводахъ, и показывали, что онъ недостаточно знакомъ ни съ славянскими языками, ни съ славянскими древностями. Нѣмецкія газеты, конечно, не могли вдоволь протрубить на весь міръ, что Бюдингеръ «съ нѣмецкою основательностію» окончательно раскрылъ подлогъ. Что касается ѣдкаго тона, въ которомъ написана пражская брошюра, то г. Бюдингеръ, хотя онъ и не сознается въ этомъ, сильно затронулъ народное чувство и ученую честь Чеховъ. Достаточно будетъ привести лишь его отзывъ о пѣсни объ Ульрихѣ и Яромирѣ (Zeitschr. I, 141): «Die Lüge ist zu Tage; ein grossartiger altslawischer Mythos ist von armseligen Scri-

¹⁹⁾ Die Königinhofer Handschrift und ihre Schwestern. См. Historische Zeitschrift, herausgegeben von Heinr. v. Sybel. 1. Band. München. 1859, стр. 127—152 и 575—576.—Отвѣтъ Бюдингеру см. выше прим. 12, 14, 15 и ниже прим. 20.—О Копитарѣ см. у Бюдингера въ Zeitsch. I, стр. 181 и ниже прим. 21 и 36. Ср. выше прим. 8 и отзывъ В. Небескаго на стр. 128 его статьи: Kralodvorskj Rukopis (въ Часоп. Чешск. Муз. 1852).

Вотъ мѣсто изъ Исторіи Бюдингера (Oesterreichische Geschichte. 1ter Band. Leipzig 1858), на стр. 336:

«Ich habe mich rein an Thietmars völlig zuverlässige Erzählung auch hier gehalten und von jüngeren Berichten, denen Palacky und Roepell authentischen Werth beimessen, absehen zu müssen geglaubt. Der Bericht bei Cosmas, der von Jaromir und Heinrich nichts weiss, ist so gut sagenhaft als die nach demselben abgefasste Darstellung des angeblich alten Volksliedes... Cf. Kopit. Proleg. § 29».

²⁰⁾ Max Büdinger und die Königinhofer Geschwister. Prag. 1859. См. примѣчаніе 19 и 21.

²¹⁾ Die Königinhofer Handschrift und ihr neuester Vertheidiger. Eine Entgegnung von Max Büdinger. Wien 1859. См. рец. А. фонъ-Гутшмида въ «Literarisches Centralblatt für Deutschland. Leipzig. 1859». № 46, стр. 722.

benten platt geschlagen und dann von Fälscherhand mit Flittergold behängt worden, Dobner musste für Jaromirs Wiedereinsetzung erhalten und den serbischen Volksliedern entsprang das Versmaas».

За тѣмъ Палацкій въ томъ-же мюнхенскомъ журналѣ ²²⁾ старался объяснить специалистамъ по части исторіи причины спора и не безъ основанія жаловался на національную слѣсь, съ которою въ этомъ случаѣ дѣйствовали нѣкоторые нѣмецкіе литераторы. О Копитарѣ же онъ вовсе умалчиваетъ. По самому существу дѣла, Палацкій въ такой короткой статьѣ лишь могъ слегка коснуться доводовъ, говорящихъ въ пользу или противъ подлинности обѣихъ рукописей. При всемъ томъ въ статьѣ этой заключались отдѣльныя указанія, которыя всякаго славяниста, какъ-бы онъ ни былъ скептиченъ, должны были заставить серьезно призадуматься. Нѣмецкіе ученые, конечно, не поняли ихъ, и Бюдингеръ, съ обычною самонадѣянностію, тотчасъ-же напечаталъ отвѣтъ 2 іюля 1859 года ²³⁾, не обративъ никакого вниманія на разборъ его статей, явившіеся въ Часописи Чешскаго Музея и Свѣтозорѣ. На сторону противниковъ подлинности Краледворской рукописи и именно гѣсни о Ярославѣ, въ 1860 году, сталъ также г. Шваммель въ статьѣ о мнимомъ пораженіи Монголовъ подъ Ольмюцомъ ²⁴⁾.

Палацкій въ статьѣ своей между прочимъ замѣтилъ, что Бюдингеръ по видимому пользуется довѣріемъ заслуженнаго славяниста Миклошича, но что врядъ-ли послѣдній раздѣляетъ мнѣніе австрійскаго историка о подложности Суда Любуши и Краледв. рукописи. Въ противномъ же случаѣ Палацкій предложилъ Миклошичу подтвердить сомнѣнія свои доводами, предсказывая ему съ полною увѣренностію, что и онъ, подобно Добровскому въ 1840 г., найдетъ своего мастера по этому пред-

²²⁾ Die altböhmischen Handschriften und ihre Kritik. Zweiter Band. München. 1859, стр. 87—111.

²³⁾ Entgegnung auf den Aufsatz des Hrn. Palacky, стр. 112—117.

²⁴⁾ Ueber die angebliche Mongolen-Niederlage bei Olmütz. Von E. J. Schwammel. См. Sitzungsberichte der philologisch-historischen Classe der Kaiserl. Academie der Wissenschaften. 33ter Band. Wien. 1860, стр. 179—218.

мету ²⁵⁾. Миклошичъ въ то время дѣйствительно уже сомнѣвался въ подлинности Краледворской рукописи; въ прибавленіяхъ (стр. 118) къ разсужденію своему о собственныхъ именахъ славянскихъ, онъ въ отношеніи трехъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ Краледворской рукописи, выразился слѣдующимъ образомъ :

«Изъ числа именъ, производимыхъ черезъ букву *p*, должно исключить *Люборъ*. Въ именахъ производныхъ на *boj* слѣдуетъ уничтожить *Забоя*, а въ именахъ сложныхъ съ *люд* — *Людши*, такъ какъ подлинность того и другаго имени еще не вполне (als nicht hinlänglich verbürgt) подтверждена ²⁶⁾».

Миклошичъ, вѣроятно, выразился бы иначе, если бы онъ въ то время болѣе вникъ въ науку славянской ономастики. Мы этимъ нисколько не хотимъ упрекнуть его, потому что до него эта специальность была еще мало разработана. Но нельзя не сознаться, что у Миклошича не достаетъ довольно много важныхъ формъ именъ, и что онъ нѣкоторыя односложныя и двусложныя имена объяснялъ совершенно ошибочно, не подозревая, что они сокращены изъ болѣе длинныхъ именъ. Краледворская рукопись представляетъ именно много такихъ сокращенныхъ формъ, вѣроятно потому, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ уменьшительныя имена и сокращенныя формы были болѣе удобны въ отношеніи размѣра стиховъ. Впрочемъ мы замѣтимъ здѣсь только, что *Люборъ* сокращено изъ *Лютоборъ*, какъ это давно уже замѣчено Палацкимъ, женское же имя *Людши* ласкательная форма отъ *Людслава*. Коротенькая замѣтка Миклошича произвела на Шлейхера такое сильное впечатлѣніе, что онъ въ 1861 году высказалъ слѣдующее ²⁷⁾:

²⁵⁾ См. Zeitsch. Zibella, II, стр. 101 и ср. выше прим. 8.

²⁶⁾ Die Bildung der slavischen Personennamen. (Besonders abgedruckt aus dem X. Bande der Denkschriften der philosophisch-historischen Classe der Acad. der Wissenschaften). Wien 1860.—Ср. рецензію, напечатанную В. Небескимъ въ Čas. č. M. 1861, стр. 85—88 и въ Sitzungsberichte böhmischer Acad. Wiss. 1860, стр. 28. Въ своей «Chrestomathia palaeoslovenica cum specimenibus reliquarum linguarum slavicarum. Vindob. 1861» г. Миклошичъ прибавилъ нѣсколько отрывковъ на древне-чешскомъ языкѣ. О Судѣ Любуши и Крал. Рукоп. онъ, по прежнему, молчитъ, не смотря на вызовъ Палацкаго.

²⁷⁾ Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen, herausgegeben von A. Kuhn und Schleicher. Zweiter Band. Berlin. 1861, стр. 482.

«Сочиненіе (Миклошича) оканчивается замѣчаніемъ, весьма важнымъ въ настоящую минуту... *Люборъ, Забой и Людмисе*— имена, встрѣчающіяся въ Краледворской рукописи. Слѣдовательно Миклошичъ также уже считаетъ теперь эту рукопись подложною... И я въ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ трудовъ пользовался текстами ея,.. но признаюсь, что, прочитавъ снова отдѣльныя части ея, теперь также долженъ очень сильно сомнѣваться въ подлинности Краледворской рукописи. Окончательнаго разрѣшенія можно ожидать только отъ тѣхъ, которые въ состояніи и имѣютъ возможность изслѣдовать рукопись самымъ тщательнымъ образомъ. Но оставимъ вопросъ этотъ, который въ послѣднее время разбирали такъ горячо; въ высшей степени жалко, что пришлось его затронуть».

Въ то время, какъ Шлейхеръ писалъ эти строки, со стороны Фейфалика уже сдѣлано было новое, далеко заходившее нападеніе ²⁶⁾. Полемиическая брошюра эта, свидѣтельствующая о начитанности автора, произвела необыкновенное впечатлѣніе даже на многія, въ другихъ случаяхъ критическія, головы. Но проглядывающее мѣстами желчное расположеніе, натяжки во многихъ отдѣльныхъ доказательствахъ, и язвительная насмѣшка, съ которой онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваетъ содержаніе пѣсенъ, ни въ какомъ случаѣ не говорятъ въ пользу безпристрастія автора. Въ способности же его, окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, я не могъ не усомниться, когда въ концѣ статьи (стр. 123—127) прочелъ нападки его на Судъ Любуши. По словамъ его, это произведеніе есть будто бы подражаніе одному изъ стихотвореній Гердера! Съ жадностію я отыскалъ это стихотвореніе. Миѣ показалось, что Фейфаликъ сказалъ это просто ради шутки. Однимъ словомъ, ученый — заключилъ я — который такъ опрометчиво судить о подлинности Суда Любуши, прочелъ, можетъ быть, много древне-чешскихъ литературныхъ памятниковъ, и обладаетъ большою проникательностію, но все-таки, если даже предположить подложность Краледворской рукописи, рѣшительно не въ состояніи

²⁶⁾ Ueber die Königinhofer Handschrift. Wien 1860. стр. 128 in 8°. Ср. рецензію въ Historische Zeitschrift V, стр. 561.

возвести это предположеніе на степень непреложнаго доказательства ²⁰⁾).

Между тѣмъ Чехи готовили новыя изданія. Главный бібліотекаръ чешскаго музея, Ярославъ Вртятко, недавно издалъ Краледворскую рукопись въ фотографическихъ снимкахъ, снабдивъ ихъ краткимъ введеніемъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ тѣхъ буквъ и мѣстъ, которыя до тѣхъ поръ читаны были болѣе или менѣе ошибочно, а теперь, благодаря фотографіи, яснѣе выставлялись предъ глазами читателя. Въ палеографическія сравненія рукописи съ другими средневѣковыми списками г. Вртятко не вдавался, такъ что палеографическія сомнѣнія, возбужденныя противъ подлинности рукописи, еще не устранены. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ споръ подвинуть былъ очень близко къ окончательному разрѣшенію сочиненіемъ братьевъ Иречковъ ²¹⁾. Къ сожалѣнію, они не знали, что И. И. Срезневскій, по поводу выхода сочиненія Фейфалика, рассмотрѣлъ въ особой статьѣ, между прочимъ, размѣръ стиховъ Краледворской рукописи ²²⁾.

²⁰⁾ См. также мнѣніе А. Котляревскаго въ его ежегодникѣ: *Старина и Народность* за 1861 годъ. Библиографическое Обзорѣніе. Москва 1862, стр. 13.

«... Въ 1860 г. въ Вѣнѣ появилось замѣчательное сочиненіе Фейфалика о Краледворской рукописи. Не только въ ней, но и въ Судѣ Любуши, онъ видитъ умышленный подлогъ. Это крайнее заключеніе, объясняемое современными обстоятельствами, со временемъ, конечно, должно измѣниться, но изъ-за этого никто не откажетъ австрійскому ученому въ талантъ, а книгѣ его — въ ученое значеніе...».

²⁰⁾ *Rukopis Kralodvorský. Vydání fotografické. S úvodem, vysvětlujícím popisem a orgaveným čtením od Ant. Jaroslava Vrtátka. V Praze. 1862.*

Последнимъ трудомъ В. Гайки было двѣнадцатое изданіе Краледворской рукописи.

Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský. Vydání dvánacté. 1861.

Ф. В. Квѣтъ издалъ, въ Прагѣ, 1861 г., слѣдующее сочиненіе:

Aesthetický rozbor rukopisu Kralodvorského. Pro širší kruhy. XVI и 159 стр. in 8°.

²¹⁾ *Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. Kritisch nachgewiesen von Jos. und Herm. Jireček. Prag. 1862, 212 стр. in 8°.*

²²⁾ Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсенъ. См. *Извѣстія Имп. Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Томъ IX. 1861, столб. 345—366.*

Статья моя уже печаталась, когда появилась рецензія на сочиненія Фейфалика и Иречковъ. См. *Извѣстія, Томъ X. 1862, столб. 412, 413.*

§ 2.

ЗАЩИЩЕНИЕ ПОДЛИННОСТИ КРАЛЕДВОРСКОЙ РУКОПИСИ
БРАТЬЯМИ ИРЕЧКАМИ ³³⁾.

Въ спорѣ этомъ нерѣдко высказываемо было мнѣніе, что онъ происходитъ изъ національнаго нерасположенія Нѣмцевъ къ Славянамъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ являлись намеки, не дѣлающіе чести ни ихъ редакторамъ, ни образованной части нѣмецкаго народа. Противная сторона также не обошлась безъ сильныхъ выраженій. Подобныя явленія прискорбны, но неизбежны при безчисленномъ множествѣ такихъ періодическихъ изданій, которыя отличаются отсутствіемъ хорошаго вкуса и легкомысліемъ, обратившимся уже въ поговорку. Строже должно осуждать такое направленіе, если оно послѣдовательно является въ области чистой науки. Въ подлежащемъ случаѣ было бы несправедливо не принять въ соображеніе обстоятельства, при которыхъ почти за 50 лѣтъ тому назадъ появились Судъ Любуши и Краледворская рукопись. Открытіе ихъ совершилось какимъ-то страннымъ образомъ. Притомъ нѣкоторые Чехи дѣйствительно позволили себѣ поддѣлки. Мы укажемъ здѣсь на любовную пѣсню Венцеля I, на чешскій текстъ Пророчества Любуши и на любовную пѣснь подъ Вышеградомъ. Чешскій текстъ пѣсни Венцеля I, какъ это теперь признано всѣми, наглый обманъ, относящійся къ концу втораго десятилѣтія нашего вѣка. Въ послѣдній разъ подмогъ этотъ *доказанъ* Фейфаликомъ въ 1857 году. Подлинность Пророчества Любуши, впервые изданнаго Ганкою въ 1849 году на латинскомъ и чешскомъ языкахъ, еще не доказана. Палацкій, впрочемъ, высказался (см. *Hist. Zeitsch.* (1859), II, стр. 109) по крайней мѣрѣ въ пользу подлинности латинскаго текста, сочиненнаго будто бы между 1376—1380 г., но испыталъ на самомъ себѣ, что въ палеографическихъ вопросахъ онъ не всегда непогрѣшимый авторитетъ. Положимъ, что латинскій текстъ Пророчества произве-

³³⁾ Букву *И* въ имени *Иречекъ* (*Jirešek*) слѣдуетъ произнести какъ русское и въ словѣ *снхъ*.

деніе XIV вѣка, но пустая пѣснь подъ Вышеградомъ, появившаяся въ 1816 г., теперь всеми признается подложной ³⁴).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оба молодые ученые, Фейфаликъ, основываясь на пѣсни Венцеля, а Бюдингеръ, припоминая Пророчество Любуши, по этимъ подлогамъ заключили и о другихъ поддѣлкахъ. Подозрѣніе ихъ кромѣ того опиралось, какъ это ясно видно, на Добровскаго, который публично объявилъ, что Судъ Любуши—новѣйшая поддѣлка, и въ особенности на Копитара. (См. выше § 1, прим. 1, 2, 4.) Ученикъ послѣдняго, Миклошичъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ въ сочиненіяхъ Бюдингера и Фейфалика, также, кажется, не поощрялъ ихъ къ осторожности.

Сочиненіемъ братьевъ Иречковъ споръ перенесенъ на нейтральную область чистой науки. Какъ Чезм, они имѣли бы много причинъ выставить ѣдкимъ образомъ слабыя стороны и промахи своихъ противниковъ. Между тѣмъ у нихъ только изрѣдка проглядываетъ досада оскорбленнаго патріотизма. Какъ *люди образованные*, они предпочли остаться, говоря вообще, въ границахъ приличной полемики, и безъ всякаго притворства высказываютъ радость свою, что всѣ прежнія нападки послужили только къ болѣшему разъясненію подлинности рукописей.

Мы ограничимся здѣсь только самымъ короткимъ перечнемъ содержанія ихъ сочиненія.

Гл. I. Изслѣдованія, касающіяся языка (стр. 1—27). — I. II. Миеологическая часть (стр. 28—46). — III. Отношеніе къ славянской народной поэзіи (стр. 46—69). — IV. Размѣръ стиховъ (стр. 70—98). — V. Изслѣдованія по части исторіи чешской литературы (стр. 99—121). — VI. Людише и Люборъ

³⁴) Открытіе Пѣсни подъ Вышеградомъ приписываютъ Іос. Линдѣ (Linda), умершему въ 1894 г. См. объ этомъ полу-поэтѣ и полу-филологѣ стр. 170 и 192 сочиненія Шафарика и Палацкаго (Die alt. Sprachd. 1840), стр. 109 соч. Фейфалика и ср. ниже прим. 36. Подложность Пѣсни подъ Вышеградомъ уже Добровскій замѣтилъ, какъ видно изъ его письма къ англійскому литератору Боурингу (Bowring; см. Часоп. Муз. 1832, стр. 242). «Talia (supposititia) sunt Elegia amantis sub Vyšehrado, ... quam ego ipse, antequam scripturam diligentius examinarem, historiae linguae Bohemicae p. 109 inserui et exposui. Novi jam auctorem, quem tibi nominare possem. Poëma hoc abruptum circa annum 1816—17 confectum, membranae veteri atramento satis recenti dscriptum, mihi oblatum me ipsum fefellit.»

(стр. 122 — 143). — VII. Объ исторіи упоминаемыхъ событій (стр. 144—180).—VIII. Невозможность подлога (такого рода) въ 1817 году (стр. 181—201).—IX. Палеографическая часть (стр. 202—204).—X. Зеленогорская рукопись (т. е. Судъ Любуши, стр. 205—208).—Заключеніе (стр. 209—212).

Что касается до общаго заключительнаго вывода нашего о сочиненіи братьевъ Иречковъ, то мы должны сказать, что оно еще не рѣшаетъ окончательно спора о подлинности Краледворской рукописи, но что рго и сопга въ этомъ вопросѣ стали гораздо яснѣе. Не только множество отдѣльныхъ возраженій совершенно устранено, но и сила нападенія вообще такъ ослаблена, что противники должны будутъ представить уже совершенно другія доказательства, чѣмъ прежде. Только одинъ отдѣлъ сочиненія, палеографическій, обработанъ очень неудовлетворительно. Между тѣмъ Краледворская рукопись, именно въ этомъ отношеніи, судя по фотографическимъ снимкамъ, приводитъ на разсматривающаго ее какое-то странное впечатлѣніе⁸⁵. Не придавая словамъ своимъ значенія окончательнаго

⁸⁵) *Примѣтка отъ 5-го июля 1862 г.* Въ теченіе минувшей зимы я дважды имѣлъ случай видѣть фотографическій снимокъ съ Краледворской рукописи *сечеромъ*, одинъ разъ въ засѣданіи Археографической Комиссіи, а другой разъ въ засѣданіи Археологическаго общества. Оба раза я не скрывалъ, что для меня есть что-то странное въ этомъ снимкѣ съ рукописи, относимой къ концу 18-го столѣтія, и что меня поражаетъ въ ней проявленіе какого-то каллиграфическаго направленія писца. Впрочемъ я не придавалъ этому особаго вѣса, зная по опыту, что фотографическіе снимки съ рукописей и монеть иногда поражаютъ разсматривающаго своимъ изяществомъ въ сравненіи съ оригиналомъ, и что вообще фотографическіе снимки съ рукописей преимущественно важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ становятся какъ-то нагляднѣе и нѣкоторые почерки и нѣкоторыя поbledшія мѣста оригинала.

Вчера я вмѣстѣ съ И. И. Срезневскимъ разсмотрѣлъ фотографическій снимокъ съ Краледворской рукописи *днемъ*, *чрезъ увеличительное стекло*. Признаюсь, теперь рукопись кажется мнѣ древнѣе, чѣмъ казалась мнѣ прежде. Впрочемъ пусть объ этомъ судятъ другіе, имѣющіе случай разсмотрѣть ее на самомъ мѣстѣ.

Было бы очень желательно, чтобы Чешскій Народный Музей издалъ также въ фотографическихъ снимкахъ Судъ Любуши, съ вымышленною пѣснью Венцеля I и подложнымъ стихотвореніемъ подъ Вышеградомъ. Придача этихъ двухъ вымышленныхъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія, показала бы именно еще болѣе подлинность Судъ Любуши и Краледворской рукописи. За тѣмъ и вопросъ о подлинности латинскаго и чешскаго текста Пророчества Любуши —

приговора, я замѣчу только, что рукопись легко можетъ от-носиться къ болѣе позднему времени, нежели къ концу 13 столѣтія, но что при этомъ нѣтъ никакой необходимости заподозрѣть подлинность пѣсенъ. Притомъ нѣкоторыя пѣсни, можетъ быть, и не принадлежать, какъ полагаютъ, къ такой отдаленной древности, но дошли до насъ уже въ редакціи средне-вѣковаго полународнаго поэта.

Такъ и въ 7-й главѣ, при всей ея поучительности, не устранены еще всѣ неясности Краледворской рукописки въ историческомъ отношеніи. Чрезвычайно интересны изслѣдованія о вторженіи Татаръ въ Моравію въ 1241 г. (стр. 157—175), которое заслуживаетъ особаго нашего вниманія. Объ этомъ мы говоримъ въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Еще другой спорный пунктъ близко касается насъ. Бюдингеръ обратилъ вниманіе на то, что уже одни «bubny», (въ ново-чешскомъ языкѣ = барабаны), о которыхъ упоминается въ Краледворской рукописи, доказываютъ ея подложность, потому что барабаны были переняты въ Европѣ съ востока только въ концѣ среднихъ вѣковъ. Въ спорѣ объ этомъ вопросѣ приводятся и русскіе лѣтописцы, но мнѣ кажется, что ни г. Палацкому, ни г. Небескому, ни гг. Иречкамъ (стр. 144 — 148) въ этомъ отношеніи не вполне удалось поразить — хотя мы считаемъ это возможнымъ — своего противника (Бюдингера). Въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ мы возвратимся еще къ древне-русскимъ бубнамъ. За то нельзя не согласиться вполне съ выводами обоихъ чешскихъ ученыхъ въ 8-й главѣ о томъ, что такой сборникъ пѣсенъ, какъ Краледворскій, никакъ не могъ быть сочиненъ въ 1817 году.

Мнѣ съ самаго начала спора казалось, что противники подлинности рукописи слишкомъ мало или даже вовсе не могли себѣ представить бѣдственное положеніе славистики въ 1817 году — чешскихъ литераторовъ того времени дѣйствительно можно сосчитать по пальцамъ — и потому я, соображаясь съ этимъ

онъ состоитъ всего изъ 19 гексаметровъ — покуда лучше всего могъ бы быть рѣшенъ фотографическимъ снимкомъ. До тѣхъ поръ пока это не будетъ сдѣлано, скептическія головы всегда будутъ возвращаться къ упомянутой Копитаромъ «*pestis vocifera*».

положеніемъ, считалъ такой *ловкій* подлогъ невозможнымъ. Перевести любовную пѣсню на древне-чешскій языкъ и выдумать коротенькую пѣсенку подъ Вышеградомъ было несравненно легче и при всемъ томъ сколько разныхъ промаховъ надѣлали сочинители! ³⁶⁾ Какими же грубыми грамматическими, предметными и вообще историческими ошибками были-бы наполнены пѣсни Краледворской рукописи, относящіяся къ различнымъ временамъ, если предположить, что эти пѣсни сочинены за 50 лѣтъ тому назадъ! Вѣдь нѣкоторыя формы и особенности языка Краледворской рукописи поняты правильно лишь въ послѣднее время, когда замѣтили аналогіи въ другихъ ново-открытыхъ памятникахъ древне-чешской литературы. Если даже допустить предположеніе Бюдингера и Фейфалика, то поддѣльщикъ долженъ былъ быть необыкновеннымъ знатокомъ древне-чешскаго языка и превосходить въ этомъ отношеніи самого Добровскаго, потому что послѣдній, какъ извѣстно, еще не былъ, по крайней мѣрѣ, отличнымъ знаткомъ этого языка. И такой филологъ и знатокъ славянскихъ древностей, далеко превосходящій Добровскаго, такой писатель, обладающій несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, огра-

³⁶⁾ См. о Пѣсни подъ Вышеградомъ статью, помѣщенную въ богемскомъ Вѣстникѣ (см. выше прим. 10, 11 и 34), соч. Шемберы (Dějiny řeči a literatury československé. Vek starší. Vydání druhé. Ve Vídni. 1859, стр. 92, 146) и соч. братьевъ Иречковъ, стр. 182, 184, 187.

Объ ореографическихъ и вообще филологическихъ промахахъ переводчика пѣсни короля Венцеля см. также соч. Шемберы, стр. 93.

Копитаръ основалъ свое сомнѣніе въ подложности Пѣсни подъ Вышеградомъ на мнѣніи Добровскаго, письмо котораго первоначально напечатано было въ «Szezekian anthology» Боурина (London 1832, стр. 7) и оттуда перепечатано въ Часописи (см. выше прим. 34). Въ отношеніи къ Краледворской рукописи Копитаръ ссылался (см. выше прим. 2 на стр. 4) на Я. Гримма, который никогда не оподозривалъ ея подлинности. См. Wuk's Stephanowitsch kleine Serbische Grammatik... mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Berlin 1824, стр. XVIII:

«... Böhmen hat, wenn sie (народныя пѣсни) ihm endlich ausgestorben sind, vor Zeiten einen Reichthum von Volksliedern besessen, die nach den neulich aus einer Handschrift des XIV. Jahrhunderts geretteten Stücken fast ganz zu Wort und Weise der serbischen Lieder stimmen». См. объ этомъ переводъ Каппера, стр. XIII, соч. братьевъ Иречковъ, стр. 85 и статью И. Срезневскаго стр. 354.

ничился бы только сочиненіемъ упомянутыхъ пѣсенъ, *остался бы совершенно неизвѣстнымъ не только своимъ современникамъ, но и своимъ школьнымъ товарищамъ!* Да кромѣ его, могъ будто бы жить въ *тоже самое время* еще другой великій, но также безвѣстный знатокъ, сочинившій Судъ Любуши, старинный языкъ котораго замѣтно отличается отъ языка Краледворской рукописи!

31 мая 1862 г.

